

Православная культура вчера и сегодня

Научная редакция
Елены Потехиной и Александра Кравецкого

Recenzentki: ALLA KOZHINOVA (Białoruski Uniwersytet Państwowy, Mińsk)
ALLA KAMALOVA (Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Елена Агеева (Москва), Алексей Беглов (Москва),
Ксения Кончаревич (Белград), Федор Людоговский (Москва), Марек Мельник (Оль-
штын), Антони Миронович (Белосток), Надежда Морозова (Вильнюс), Александр На-
умов (Краков – Венеция), Ежи Остапчук (Варшава), Ирина Починская (Екатеринбург),
Зоя Ярошевич-Переславцев (Ольштын)

© Copyright by CENTRUM BADAŃ EUROPY WSCHODNIEJ 2015
© Helena Pocietchina, Aleksander Krawiecki 2015
© Autorzy 2015

Skład, łamanie, projekt i opracowanie graficzne okładki:
ALEKSANDER KIKLEWICZ

Wydawca:
CENTRUM BADAŃ EUROPY WSCHODNIEJ
UNIwersytetu WARMIŃSKO-MAZURSKIEGO W OLSZTYNIE
10-725 Olsztyn, ul. K. Obiża 1

ISBN 978-83-61605-50-8

Druk i oprawa:
ZAKŁAD POLIGRAFICZNY
UNIwersytetu WARMIŃSKO-MAZURSKIEGO W OLSZTYNIE
10-724 Olsztyn, ul. Jana Heweliusza 3

Dystrybucja:
CENTRUM BADAŃ EUROPY WSCHODNIEJ
INSTYTUT DZIENNIKARSTWA I KOMUNIKACJI SPOŁECZNEJ
ul. K. Obiża 1, 10-725 Olsztyn
tel. +48 89 524 63 47
Internet: <http://uwm.edu.pl/cbew>
e-mail: komunikacjam@uwm.edu.pl

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
ПРАВОСЛАВНАЯ КУЛЬТУРА В РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ И В РОССИИ	
АНТОНИ МИРОНОВИЧ (Белосток), <i>Православная культура в Великом Княжестве Литовском</i>	11
ГАЛИНА БАРАНКОВА (Москва), <i>«Слово о кресте» в Кормчих книгах и древнерусских сборниках</i>	43
ДМИТРИЙ ПЕТРОВ (Москва), <i>Упоминания о рыбе и блюдах из рыбы в Новгородских берестяных грамотах</i>	59
ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ НОРМЫ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА	
СВЕТЛАНА КУСМАУЛЬ (Москва), <i>Эволюция принципов употребления буквы ш во 2-й половине XVI века – 1-й половине XVII века</i>	89
МАРИЯ ДАВЫДЕНКОВА (Москва), <i>Написание приставок на з/с в церковнославянской и русской дореформенной орфографической традиции</i>	135
ГИМНОГРАФИЯ: ПОЭТИКА, СТИЛИСТИКА, ЭТИМОЛОГИЯ	
ФЕДОР ЛЮДОГОВСКИЙ (Москва), <i>Цитирование хайретизмов Великого акафистав хайретизмах поздних акафистов Богородице</i>	149
МАКСИМ ПЛЯКИН (Саратов), <i>Изменение языка богослужения: акафисты на русском языке</i>	193
ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ДРЕВЛЕПРАВОСЛАВИЯ	
НАТАЛЬЯ АНУФРИЕВА (Екатеринбург), <i>Создание каталогов миниатюр и орнаментики книг поздней рукописной традиции (к постановке проблемы)</i>	207
СЕРГЕЙ БЕЛОБОРОДОВ (Екатеринбург), <i>Институты наставников и духовных отцов уральских старообрядцев в середине XIX – начале XX вв.</i>	215

ЕЛЕНА ДУТЧАК, ЕЛЕНА КИМ, АНАСТАСИЯ БУРКУН (Томск), <i>Крестьянская община и старообрядческий скит: формула притяжения</i>	235
АННА МИХЕЕВА (Екатеринбург), <i>«Едиными усты и единым сердцем»: богослужбное пение глазами старообрядцев (на материалах вятского староверия)</i>	253
МАРИ-ЛИЙС ПААВЕР, ГРИГОРИЙ ПОТАШЕНКО (Вильнюс), <i>Старообрядческая иконопись в Польше: творчество И. И. Михайлова в Вильнюсе в 1929-1939 гг.</i>	277
ИОАННА ОЖЕХОВСКА (Ольштын), <i>Функциональная специфика старообрядческого Войновского синодика</i>	303
ЕЛЕНА ПОТЕХИНА (Ольштын), <i>«Чин исповеданию» как исторический документ (на материале рукописи из собрания Войновского монастыря)</i>	321
АЛЕКСАНДРА ВОНСЕВСКА (Ольштын), <i>Сборник «О браках» Пишской печати: предварительное исследование</i>	329

ЛИЧНОСТИ: БИОГРАФИИ, ВОСПОМИНАНИЯ

ШАНДОР ФЕЛДВАРИ (Дебрецен), <i>Воспоминания об Эстер Ойтози (1935-2006)</i>	347
МИХАИЛ СТРОГАНОВ (Москва), <i>Неангажированность как маргинальность: случай И. С. Белюстина</i>	361

РЕЦЕНЗИИ

ЮЛИЯ БИРЮКОВА (Шахты), Кострюков, А. А. (2015), <i>Русская Зарубежная Церковь в 1939-1964 гг. Административное устройство и отношения с Церковью в Отечестве. Москва: Издательство Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета</i>	371
АВТОРЫ ТОМА	377

ЕЛЕНА ДУТЧАК, ЕЛЕНА КИМ, АНАСТАСИЯ БУРКУН
Томский государственный университет
(Томск, Россия)

Крестьянская община и старообрядческий скит: формула притяжения¹

В 1912 году пять монахинь и четыре белицы Тихвинской обители на р. Тое обратились к губернским властям с просьбой отдать им в аренду 84 десятины земли под строительство молитвенного дома и новых келий. Ходатайство они сопроводили описанием имущества, в котором значилось «три жилых дома, надворные постройки, жатвенная машина, сенокосилка, грабли, железный плуг, окучник для добытия картофеля, картофелекопатель, две рабочие лошади, восемь дойных коров, пятнадцать овец и двенадцать колодок ульев»².

Примеры успешных скитских экономик многочисленны, и в документах они, как правило, сопровождаются упоминанием неких «добровольных пожертвований», источник которых давно назван исследователями – «негласная, но прочная поддержка крестьянских миров» [Покровский 1992: 195]. При всей, казалось бы, очевидности этого факта, природа органичного сосуществования монашеской духовности и крестьянского прагматизма вряд ли может считаться раскрытой. В научной литературе взаимодействие сельского и таежного сообществ обычно оценивается как союз автономных единиц, чьи интересы совпадают лишь отчасти. Такой подход оправдан при анализе хронологически ограниченного материала, однако для понимания характера их связи в длительной временной перспективе — деревня менялась, из «дореволюцион-

---

¹ Исследование выполнено при поддержке программы «Научный фонд им. Д. И. Менделеева Томского государственного университета» («Наука в Сибири и о Сибири»/ TSSW).

² Государственный архив Томской области (ГАТО), ф.3, оп. 4, д. 2840, л. 20-21 об., 25.

ной» превращаясь в «советскую», затем в «постсоветскую», и при этом продолжала защищать «свой» скит — явно недостаточен.

В частности, почти двухсотлетнее существование таежного монастыря староверов-странников в томско-чулымской тайге³ позволяет нам рассматривать отношения «скит — деревня» как вариант дуальной системы, равновесное состояние сакральной и профанной частей которой обеспечивается не только функциональным распределением ролей, но и осмыслением их в логике народной православной традиции дарообмена. О способах формирования подобной социально-символической конструкции и факторах, определяющих ее прочность, пойдет речь в настоящей статье.

Мы сконцентрировали исследование на периоде — конец XIX — начало XX столетий, когда в непосредственной близости от томско-чулымского скита складывается сеть населенных пунктов, сначала входивших в Семилуженскую, а с 1911 года — в Петропавловскую и Александровскую волости Томского уезда.

Усложнение поселенческой структуры Сибири в 1890-1917 гг. в российской историографии принято анализировать в контексте имперской политики колонизации края и попыток правительства решить проблему аграрного перенаселения в центральных российских губерниях [Тюкавкин 2001; Шиловский 2006: 3-6; Белянин 2014: 100-107]. Стоит учесть, что наряду с экономическими мотивами заметную роль в «крестьянском исходе» играли эсхатологические настроения. Их рост, отмечаемый исследователями на разных материалах, спровоцировало совпадение Пасхи и Благовещения в православном календаре 1912 года и апокрифическое пророчество о Страшном суде — «приду в день мой и матери моей». Именно апокалиптическими ожиданиями были вызваны как страх перед проведением первой Всероссийской переписи 1897 г., так и повышенный интерес в народной среде к астрологической литературе в преддверие XX столетия [Плющевский-Плющик 1898; Мельникова 2004: 250-266].

В момент приближения роковой даты скитские поселения, подтвердившие собственной длительной историей право на идейное руководство округой, объективно становились «точками притяжения». Таежный монастырь староверов-странников оказывался при-

---

³ Томско-чулымский таежный массив находится в бассейне реки Обь: на западе и востоке он ограничен реками Томь, Чулым и Яя, на севере — причулымскими болотами, а южные пределы находятся примерно в 100 км от г. Томска. Ранее район входил в состав Томского уезда, сегодня — это северо-восточные и северные территории Томской и Кемеровской областей Российской Федерации.

влекательным для конфессионального мигранта по ряду причин. Во-первых, скитники принадлежали к «денежному» и «безденежному» направлениям в согласии и пользовались авторитетом у сторонников тех и других. Во-вторых, окруженный заимками промысловиков он изначально предоставлял крестьянину-переселенцу выбор — сразу принять крещение-постриг или остаться мирянином с обязательствами «благодетеля-христолюбца».

Статистика крестьянских миграций в Томский уезд первого десятилетия XX века показывает быстрый прирост населения Александровской и Петропавловской волостей, и вместе с тем утверждение о концентрации в регионе староверов-странников не имеет прямых доказательств. Это определяется общими трудностями установления численности локальных старообрядческих сообществ: в официальные сводки могли попасть только «записные» староверы, и чиновники зачастую сами создавали цифры о «зараженности расколом» своих губерний и епархий [Зеньковский 2006: 365-369; Покровский 1973: 381-406]. Во многом отсутствие надежных источников информации сегодня преодолевается с помощью подсчетов по зафиксированным в епархиальной документации религиозным обрядовым практикам, доступным наблюдению конфессиональным запретам и материалам региональной топографии [Юркин: URL; Пригарин 2010; Островский 2014: 218-229].

Полагаем, что их применение необходимо соотносить с внутренней спецификой старообрядческих деноминаций, их стратификацией и отношением к легализации. Например, для страннического согласия, существующего как иерархия соподчиненных групп — «крещеные христиане», проходящие испытание «оглашенные» и миряне-«благодетели», — право официально именоваться «старовером» не имело значения даже после принятия указа о веротерпимости 17 апреля 1905 года. Напротив, от мирянина-«христолюбца», чьим религиозным долгом являлись забота о безопасности и благополучии скита, требовалось не афишировать свою религиозную принадлежность. Наставление «не искать убежища прежде, пока Господь не укажет онаго, и не бежать своего места, пока есть возможность оставаться» часто встречается в текстах томско-чулымских странников с неизменным пояснением — «ибо многие останутся и претерпят многое, за что будут несказанно щедро награждены» [Дутчак 2007: Приложение I. 44].

Этим можно объяснить следующий парадокс. Деревни восточной части томско-чулымского таежного массива, находившиеся под влиянием скитов часовенного и белокриницкого согласий, в 1907—

1917 гг. имеют в составе населения высокий процент легальных староверов (от 10 до 40%), рекордную статистику непосещения храмов и несанкционированного строительства часовен. В то время как данные по населенным пунктам, расположенным в 10-30 км от страннических монастырей, демонстрируют в этом отношении полную лояльность [Ворошилова 2015: 65-70].

Подтверждением тому, что благополучие было все же внешним, являются другие показатели. Во-первых, количество церквей — в Александровской и Петропавловской волостях, насчитывающих к 1911 году соответственно 18 и 27 населенных пунктов, было всего по одной, причем, возведенных еще в 1899 году на средства фонда имени Александра III [Список: URL]. Население не нуждалось в увеличении их числа и прошений о строительстве — в отличие от других волостей Томского уезда — не подавало.

Во-вторых, скрытое, но ощущаемое местными властями скитское влияние и их стремление «уберечь» от него крестьянина отразилось в региональной ойконимии. Сопоставление С. Р. Шигаповым «христианских» и «нейтральных» названий населенных пунктов показало, что граничащие с «владениями» странников деревни в 1890-1911 гг. получали «говорящие» наименования — Спасское, Троицкое, Успенское, Покровское и, наконец, Некрасовское, ставшее центром волости — селом Петропавловским. Подобная закономерность проверена исследователем на материалах соседней Ново-Кусковской волости, находившейся в зоне активности белокрыницкого скита, где к тому же по инициативе местного духовенства были сооружены сразу две церкви с алтарным посвящением св. Митрофану Воронежскому — известному борцу с «расколом» [Шигапов 2015: 59-67].

В-третьих, показательным является сопоставление доходов клира 4-х приходов, к которым относилось население Александровской и Петропавловской волостей, с продолжительностью его служения. Имевшие от 99 до 120 десятин земельных угодий и получавшие от казны и треб около 900-1000 рублей священники здесь не задерживались, а места псаломщиков вообще нередко пустовали и потому заполнялись отставными военными, учащимися семинарии и расстригами [Справочная 1900: 128-129, 131, 141-142; Справочная 1903: 121-122, 125, 136; Справочная 1911: 173-174, 175-176, 187-188; Справочная 1914: 132-134, 550-551, 553-554]. Конечно, на эти деньги клир должен был содержать не только свои семьи, храм и церковно-приходскую школу, но и выплачивать налоги и многочисленные благотворительные сборы, совершать поездки по деревням

и финансировать инспекционные визиты епархиального начальства, тем не менее, их годовой доход вдвое превышал суммы, получаемые духовенством других приходов Томского уезда.

И наконец, в рассказах современных жителей притаежных деревень их связь со скитом предстает как явление многопоколенное и даже обыденное: «Стебкиных знаешь? Она работала в сельсовете, а муж — на скорой помощи водителем. Жили они хорошо, девочка у них Катя. Его мать умерла в скиту, ее мать тоже там умерла. Когда он заболел, его туда привезли, крестили в первых избушках. А когда он умер, вся больница в тайгу приехала хоронить этого Стебкина»⁴.

Влияние староверов-странников в регионе стало возможным по одной причине. Крестьянское пустынножительство идеально соответствовало экономическим, демографическим и социокультурным особенностям притаежных областей Томского уезда, где 1) отсутствовали регулярное транспортное сообщение и земельный фонд, достаточный для организации аграрного производства в классическом виде; 2) высокая мобильность крестьянского населения была связана с лесными промыслами; 3) экономически затратным считалось открытие сети храмов, школ и медицинских учреждений. Неудивительно поэтому, что население чаще решало свои насущные проблемы с расположенным рядом старообрядческим монастырем, чем уездной властью или священниками: скитники могли регулярно совершать для мирян требы, объяснить им смысл религиозных праздников и правила поста, выступить арбитрами при разборе семейных и общинных конфликтов и научить противостоять девиациям.

Если к этому добавить, что традиционную крестьянскую культуру отличает «высокий уровень плотности неформальных сетей информации» [Фишман 2012: 20], становится очевидным — повседневные взаимодействия скитников и крестьян формировали так называемую «живую общность» (термин А. А. Сванидзе [1994: 89-102]), объединенную взаимными обязательствами входящих в нее групп-корпораций. Способность странников, вероучение которых требовало от мирян-«благодетелей» конформистского поведения, создавать в рамках существующих социальных структур собственный параллельный мир — «в официальном городе — город *не официальный*» — подчеркивалась еще П. Г. Рындзюнским [Рындзюнский 1978: 488]. В нашем случае речь может идти о неофициальном управлении странническими монахами и мирянами жизнью, как ми-

---

⁴ Красный Яр: аудиозапись // Архив археографической экспедиции Томского государственного университета (ААЭ ТГУ), кассета 8 (август 2000 г.).

нимум, двух волостей Томского уезда в конце XIX — первой четверти XX столетия.

Принципы его организации открывают, с одной стороны, тексты томско-чулымских скитников, ориентированные на мирскую аудиторию, с другой — документальные источники, отражающие действия сельской округи по поддержанию и защите таежного монастыря.

Религиозно-правовым основанием отношений «скит — деревня» можно считать корпус христианских канонических и уставных текстов, предназначенных одновременно для монахов и мирян. Прежде всего, укажем Номоканон и толкования на него византийского богослова и историка XII века Иоанна Зонары («Книга Зонары») как наиболее часто цитируемые странническими авторами. Причем, информативными являются не только сами «правила святых отец о мнисех и мирских человецех», но и их текстовое окружение. В качестве примера сочетания интеллектуальных интересов странников-нелегалов и социальных запросов крестьян, приехавших в Сибирь в ожидании судного часа, рассмотрим сборник, переданный скитниками в библиотеку Томского университета в 2005 г.⁵ По совокупности признаков — материалу для письма (почтовая бумага со стертыми чернильными печатями и журнал сберегательной кассы с сохранившимся типографским текстом) и почеркам скитников — рукопись нами датирована первой четвертью XX века.

Сердцевину сборника составляет «Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 г.» (л. 21-36). Список идентичен введенному в научной оборот А. А. Зиминим «Хронографическому изводу Повести о падении Царьграда по Уваровскому II списку» [Зимин 1956: 211-216] и содержит отсылку к 157 главе «древлеписьменного Гранографа». По воспоминаниям скитников, такая книга у них была, но судить о ее составе невозможно — рукопись утрачена.

Текст представляет собой переработку христианской воинской повести XVI в., в ходе которой исключены батальные сцены, сокращены рассуждения о неизбежности гибели города и изложение событий, в сущности, сведено к констатации происходящего. Вектор развития Повести — от воинской и эсхатологической к исторической

---

⁵ Научная библиотека Томского государственного университета. Отдел книжных памятников и рукописей (НБ ТГУ. ОКПИ). В-26.169. Сборник назидательного характера с Повестью о взятии Царьграда турками в 1453 г. Первая четверть XX в. 16°. 42 л. Авторы приносят искреннюю благодарность Е. А. Агеевой и А. Д. Паскалю за консультации при работе с рукописью. консультации при работе с рукописью.

и политической — был отмечен в 1950-е гг. М. Н. Сперанским и охарактеризован как следствие начавшихся в Смутное время процессов секуляризации культуры [Сперанский 1954: 136-165; Сперанский 1956: 188-225]. Однако ее «конвой» в страннической рукописи не позволяет усомниться в том, что для томско-чулымской аудитории первой четверти XX века она сохранила свои религиозные смыслы.

Рассказ о последних днях Царьграда в ней дан в сопровождении показательного, на наш взгляд, круга христианских сочинений, объединенных несколькими темами. Первую группу составляют назидания для иноков о прилежании, послушании и строгом выполнении предписанных уставом богослужений, правил совершения крещения-пострига и толкования библейских и святоотеческих текстов (поучение Нила Сорского «ученикам своим», выдержки из правил христианского иноческого жития и старообрядческих сочинений — «О святой тайне, сиречь о святом крещении, что надо бы смотреть или ис писания глядеть, что нужно познавать» и «Книги канониев»; л. 3-4 об., 6 об.-16).

Вторая — это своеобразное *credo* христианина «последних времен», которое представлено выдержками из соборных посланий Иоанна Богослова, «Маргарита», «Миротворного круга», «Кирилловой книги» и «Бесед снискательных о вопросах и ответех от богомудрых отец и от многих философов и искусных мужей» (л. 16-17, 19 об.-21).

Если описанные выше тексты в большей степени можно назвать предназначенными для скитской аудитории, то следующий комплекс сочинений отличает обращенность к сюжетам, важным для крестьян. В него входят:

- полный и сокращенный вариант «Сказания о лестовке» (л. 4 об.-6, 37-38 об.). О неслучайности его появления говорит сопоставление нашего сборника с северодвинской рукописью 1830-х гг., к которой в конце XIX века, как указывает В. П. Бударрагин, «были приплетены «Сказание Ивана Пересветова о взятии Царьграда и о царе турецком Махмете», «Сказание о лестовке» и др.» [Бударрагин 1979: 363];
- фрагменты житий воинов, биографии которых содержат устойчивый топос — христианская вера дает одержать победу над врагом, но требует осмысленного отношения к приказу: за явлением креста великомученику Прокопию следует разгром сарацинов, а отказ виленских святых Антония, Иоанна и Евстафия сбрить бороды означает противостояние князю-язычнику Ольгерду (л. 17-19);
- описание ритуальных действий по защите колодцев с отсылкой к Требнику издания 1651 г. (л. 39-39 об.);

- перечень наказаний согрешившим супругам и родителям умерших детей (Требник и Номоканон, л. 39 об.-41 об.).

Таким образом, разнородные тексты образуют целостное метафорическое сообщение. Это не «эзопов язык», а скорее попытка объяснить в соответствии с православной системой координат, как вести себя мобилизованному в армию страннику, чем должны руководствоваться христианские семьи и почему индивидуальная молитва и ритуальная чистота дома становятся точками опоры в разрушающемся на глазах «никонианском» Царьграде. Полагаем, что сборники подобного типа в конце XIX — начале XX века выполняли задачу переосмысления древнерусской теории «казней Божиих» в логике эсхатологии беспоповства: внешний хаос — предвестник Апокалипсиса — неотвратим, но существование таежной «чувственной пустыни» — последнего места пребывания православной церкви — дает шанс на спасение ее обитателям-монахам и их мирянам-«благодетелям».

В связи с этим важно установить — была ли услышана и понята скитская интерпретация социальной реальности жителями Петропавловской и Александровской волостей. В отсутствии прямых данных в качестве источников информации мы выбрали, во-первых, статистические показатели развития инфраструктуры территории, во-вторых, прошения волостных правлений к губернским и уездным властям. В совокупности они дают представление о степени готовности местного населения к реализации предлагаемого странническим вероучением жизненного сценария «христолюбца-благодетеля».

По оценкам независимых наблюдателей, само скитское хозяйство уже на рубеже XIX — XX вв. являлось не только «отлично устроенным», но и получающим необычайно высокие для таежной климатической зоны урожаи ржи и пшеницы [Волков 1896; Духович 1896]. Однако истоки его экономической стабильности находились далеко за пределами Томского уезда — в Казанской и Ярославской губерниях⁶. Финансовая помощь купцов и мещан позволяла обеспечивать скит инвентарем и неопфитами, но имелись ли условия для того, чтобы расселяющиеся по окрестным деревням единоверцы также были в состоянии оказывать «крещеным христианам» посильную помощь?

Ответ предполагает обращение к деятельности Переселенческого управления, с 1896 г. курировавшего колонизацию азиатских окраин России и, в частности, отвечавшего за размещение «вольных поселен-

---

⁶ Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 1431, оп. 1, д. 1325.

цев» в северо-западных пределах Семилуженской волости — притаежной полосы, разграничивающей «никонианский» и «страннический» миры. Результаты его деятельности таковы. К 1911 году были образованы новые Александровская и Петропавловская волости с необходимыми управленческими органами, и общее число населенных пунктов увеличилось с 1 до 45. В совокупности волости с числом жителей 10217 чел. получили 30 хлебозапасных магазинов, 25 торговых лавок (мелочных, казенных винных, пивных и мануфактурных), 5 мукомольных мельниц и колодцы. Кроме того, в Петропавловской волости разместились паточный завод и пароходная пристань, открыты телефонная и 2 земские почтовые станции и расквартированы томско-обской лесничий и представители 4 пароходных фирм. В волостях действовали по 2 сельских училища, а «петропавловцы» могли обучаться еще церковно-приходской и мебельно-столярной школах [Список 1899: 66; Список 1911: 8-9, 74-79; Книга 1913; Карта: URL].

Внешне картина поступательного развития выглядит вполне убедительно, если бы не одно «но» — дороги, без которых освоение этой территории, оказывалось проблематичным. «Пешком ни за что не пройти по таежной «тропе», наличие которой ведома только проводнику, усматривающему какие-то зарубки на деревьях. Тайга в своей гуще это не только сплетение всевозможных трав и кустарников, закрывающих всадника с головой, и без какого бы то ни было просвета, но еще и бесчисленное множество крупных и мелких деревьев, поваленных бурями и лежащих как попало по всем направлениям, то у самой земли, то под углами всевозможных градусов, то образуя как бы искусственные решетчатые стены и шлагбаумы», — писал чиновник департамента земледелия и землеустройства Министерства внутренних дел, инспектировавший в 1910–1911 гг. переселенческие районы Западной Сибири [Вошинин 1912: 62].

Поскольку отпущенных средств не хватало (160 рублей на версту дороги было ничтожно малой суммой [Андрющенко/Бузанова/Зиновьев 1999: 43]), строительные работы ограничились созданием транспортной связи между крупными населенными пунктами, но вглубь томско-чуймского таежного массива не заходили. Только сегодня он — после десятилетий промышленной заготовки леса — может считаться имеющим хотя бы сезонные проселочные дороги.

Однако в начале столетия населенные пункты Александровской и Петропавловской волостей, находящиеся в 30-80 верстах от губернского города и разделенные между собой расстоянием в 20-25 верст, половину года были предоставлены сами себе. В известной степени проблему должно было решить устройство церковных приходов, гра-

ницы которых не совпадали с административным делением и объединяли деревни, расположенные в 5-20 верстах от храма или молитвенного дома. Например, половину деревень Александровской волости разделили по приходам «петропавловцев» или «семилуженцев».

Казалось бы, разумное решение на деле не могло принести ощутимых результатов, во всяком случае, анализ информации справочных книг Томской епархии за 1898–1914 гг. дает основание для такого вывода.

Во-первых, оно создавало конфликт волостных и приходских интересов и одновременно возможность лавирования для тех, кто считал официальную церковь «никонианской». Во-вторых, даже если допустить, что многодетные священники с провинциальным образованием и в возрасте от 45 до 50 лет, не имея библиотек при храмах, были готовы бороться за паству, то вряд ли они могли противостоять странническим наставникам, цитирующим, например, житие Прокопия великомученика по Прологу «на бергамене 13-го века».

Свидетельством тому, что население волостей жило в своем ритме и по своим — неизвестным светским и духовным властям — законам является история прошений Александровского волостного правления об открытии почтового отделения⁷.

Как правило, сибирское село могло рассчитывать на почтовую связь двух видов. Земские станции создавались по инициативе власти в населенных пунктах, через которые удобно было наладить сообщение между губернским/уездным городом и отдаленными районами. Крупные села, находящиеся в стороне от транспортных магистралей, при условии участия волостных бюджетов получали, так называемые, «простые почты» с функциями приема и отправки простой и заказной корреспонденции и продажи почтовых марок. К 1911 г. две земские станции, обслуживавшие Нарымский тракт, действовали на территории Петропавловской волости, а «простая почта» — в селе Семилуженском.

О том, что даже содержание почтовой конторы, совершающей элементарные операции, было затратным для крестьянина, говорит отказ жителей Ново-Кусковской волости Томского уезда от дополнительного отделения, несмотря на все усилия переселенческого чиновника. С аналогичными трудностями столкнулись власти, пытавшиеся убедить новокусковцев в необходимости телеграфа, — деревне он тоже оказывался ненужным⁸. Тем не менее, 27 января

---

⁷ ГАТО, ф. 218, оп. 1, д. 142, 574.

⁸ ГАТО, ф. 218, оп. 3, д. 224, л. 16-16 об.

1917 г. Александровское волостное правление обращается к руководству Томского уезда и главному начальнику почтово-телеграфного округа с просьбой открыть почтовое отделение с правом работы не только с письмами, но еще денежными переводами и посылками. Это ходатайство от имени 30 деревень было снабжено аргументацией, из которой следовало, что все 7018 жителей волости испытывают крайне неудобство и несут материальные потери из-за поездок по «почтовым делам» в Томск.

По действующему правилу просители (помимо оплаты гербовых сборов) три года должны были оплачивать расходы по найму помещения, его отоплению и освещению, доставке корреспонденции, переводов и посылок и одновременно внести 245 рублей на оборудование и канцелярские расходы [Памятная 1909: 35].

На протяжении 1917-1918 гг. Александровское волостное правление, не имеющее свободных средств, трижды (!) обращается в разные инстанции с просьбой о кредите на открытие почтового отделения и заверениями о будущем выполнении своих обязательств. Последний отказ оно получило уже от новых, советских властей. Народный комиссариат почт и телеграфов, как и его предшественники — Главное управление почт и телеграфов имперской России и Министерство почт и телеграфов Временного правительства, отказали александровцам, посоветовав ждать из центра поступлений денежных средств на развитие почтовой связи в Сибири в целом⁹.

Эти события можно было бы отнести к историческим курьезам, если бы они не имели аналогов. Так, Ново-Кусковское волостное правление, в течение 1913-1915 гг. ведущее «борьбу с телеграфом», в то же самое время выказывает желание иметь при действующем почтовом отделении сберегательную кассу. Просьба крайне удивила уездных чиновников — на территории волости нет крупных торговых фирм, а у крестьянского населения — свободных средств¹⁰.

Полагаем, что истоки «странных» ходатайств, равно и ответ на вопросы — какие капиталы притаенная деревня собиралась хранить в сберегательной кассе в 1913-1915 гг. и кто отправлял ей посылки и деньги в 1917-1918 гг. — следует искать в той части повседневной жизни крестьянской общины, куда чиновникам был закрыт доступ. Иными словами — в ее связях со старообрядческими скитами: бело-

---

⁹ ГАТО, ф. 218, оп. 1, д. 574, л. 2.

¹⁰ ГАТО, ф. 218, оп. 3, д. 224, л. 17.

криницким и часовенным для новокусковцев и странническим для Александровской и Петропавловской волостей.

Это дает основание предположить существование, как минимум, двух скрытых и имеющих эсхатологическую подоплеку процессов. Первый из них был связан с несбывшимися пророчествами 1912 года: отправлявшиеся в Сибирь в ожидании Судного дня везли сюда имущество и накопления. Видимо, эти деньги теперь предполагалось пустить в оборот путем создания кооперативов и ссудосберегательных касс. О том, что такая форма сохранения капиталов старообрядческих общин была все же реализована, свидетельствует появление в скитах кассовых журналов в качестве писчего материала.

Отправной точкой второго процесса стала актуализация апокалиптического сценария в 1916-1918 гг. Нарастающий товарный и продовольственный кризис, революционные потрясения и гражданская война не только сократили объемы финансовой помощи скитам из «большого мира», но сделали проблематичной ее традиционную доставку «курьерами». Учитывая высокие адаптивные способности староверия, нет ничего удивительного в том, что «крещеными христианами» и их «благодетелями» был использован ресурс имперской бюрократической машины. В условиях социальной дестабилизации и расширяющихся военных действий «человек в пути» оказывался менее защищенным, чем структуры государственной коммуникации: противоборствующие политические силы одинаково нуждались в безопасности почтовых поездов и финансовых учреждений.

Кроме того, приход к власти партии с атеистической программой вызывал естественное стремление староверов спасти свои главные ценности — древние иконы и книги. Полагаем, что они и были содержимым посылок, которые александровцам по-прежнему приходилось получать в Томске. Косвенное подтверждение этому вновь обнаруживается в «скитской библиотеке» — *не-литургическая* часть ее книг XV-XVII вв., как правило, не сохранила своих «родных» переплетов — тяжелых, кожаных с массивными застежками. Свою жизнь в XX столетии они продолжили в «чужих досках», явно неподходящих им по размеру, или обложках из картона и ткани.

«Старообрядческая» часть истории Томского уезда показывает не только единение крестьянских общин и старообрядческого скита, но и пути, по которым в условиях активных миграций шло складывание стратифицированного конфессионального сообщества, объединенного мессианской целевой установкой. Нетрудно предположить, что эти процессы сопровождались столкновениями интересов. Вместе с тем известно, что устойчивость и интегративные свойства

социосистем проверяются не отсутствием конфликтов, а способностью их регулировать. Для крестьянского религиозного сознания это означает умение сочетать «горнее» и «дольнее», например, христианскую аллегория «бегущей и кроющейся церкви» с прагматикой индивидуального покаяния, благополучие конфессии с повседневным укладом ограниченной в средствах деревни.

Взаимодействия, возникающие на этой основе, как показывает опыт страннического монастыря, строились в логике народной православной традиции дарообмена. Живущая в ожидании Судного дня сельская община получала авторитетных руководителей, духовное окормление и институт призрения, а скитники — материальную возможность соблюдать монастырский устав. Функциональное распределение ролей между ними становилось способом стабилизации их потребительских экономик: чтобы выжить — физически и нравственно — в условиях таежной Сибири, монахи и миряне в равной мере нуждались в перераспределении хозяйственных обязанностей и совместных решениях, восполняющих вакуум внешней власти. Только при этом условии мог быть реализован, например, такой способ восстановления после разгромов скитской самодостаточности как крещение остающихся жить «миру» странноприимцев и частичная передача в таежный монастырь их имущества¹¹.

Согласованность действий привела к сопряжению понятий «ктиторства», «религиозной избранности» и «человеческого самовластья» и формированию представлений о том, что божественное заступничество дается лишь тем, чей выбор осознан и подкреплен трудом во благо «пустыни». «Понятия „свобода воли“ у нас нет, это гражданское понятие, мы говорим — Бог ведет» — говорит современный скитник, подчеркивая, что «награду надо заработать»¹².

Правило — скитник должен молиться и работать, — фундированное сочинениями Ефрема Сирина, было прочно усвоено сибирской деревней и самими пустынножителями. В противном случае не сохранились бы до сего дня уважительное отношение к скитникам («Пастыри нужны слабым, сильные уходили в лес и молились без пастырей. Слабому нужен храм»¹³) и трогательные воспоминания староверов-белокриницких о строительстве «своего» скита: «Вятский плотник Андрей Харитонович поставил в тайге двухэтажную

---

¹¹ НБ ТГУ. ОКПИ. В-8472. Ответ старообрядцев-странников Томской пустыни Ивану Дмитриевичу и Алексею Матвеевичу. 1890-е гг. 4°. 6 л.

¹² Красный Яр: аудиозапись // ААЭ ТГУ, кассета 1.

¹³ Асино // ААЭ ТГУ, тетр. 3, л. 16.

церковь с деревянными крестами. Размером она была двенадцать на двенадцать метров, бревнышки все кедровые, каждое построганное, да потом еще и покрасили их. Посадили вокруг церкви с четырех сторон молодые деревца-кедрушки. Были тут надворные постройки, столовая, жилье, где обитали тридцать старичков-инвалидов. А какое место вокруг было пригожее!» [Стойлов 1991: 4].

Благодаря потестарным по характеру связям скита и деревни в таежной Сибири сформировалась храмовая по мироощущению культура, далеко не всегда предполагающая присутствие церковных строений и клира. Ее важной чертой является феномен «безымянной святости», выявленный Е. К. Ромодановской на материалах сибирской и северорусской агиографии [Ромодановская 2005: 143-159], — уход в скит родственника или односельчанина был событием рядовым и потому несоотносимым с житийным рассказом. В то же время в силу личностного общения, базирующегося на нормах обычного права, старообрядческий скит становился для деревни защитником и покровителем, учил ее и учился сам сохранять чувство причастности христианскому миру и ответственности за него — «Мир будет стоять до тех пор, пока жив хоть один странник, пусть самый немощный»¹⁴.

Именно общность «пространства опыта» и «горизонтов ожидания» (термины Р. Козеллека [Kozellek 1995]) крестьянского и скитских миров, воплощенная в их социальных и символических практиках, на наш взгляд, позволяет скорректировать некоторые исследовательские стереотипы в отношении сибирской деревни конца XIX — начала XX вв. В частности, дополнить общеупотребительное деление крестьянства по этническим, социально-демографическим и имущественным критериям его конфессиональными характеристиками. Иными словами, объяснять способность или неспособность крестьянства к системной адаптации не только исходя из политических и экономических реалий, сложившихся систем коммуникаций и жизнеобеспечения, но и путем выделения в его составе групп, ориентировавшихся на разные религиозные доктрины и, следовательно, групп с разными типами исторических рефлексий, образами «желаемого завтра» и поведенческими стратегиями.

Смена ракурса позволяет увидеть, что втянутость притаежной деревни в модернизационные процессы, появление в ней позднее новых властных структур и атеистически настроенной молодежи не могли уничтожить существующую дуальную конструкцию, если она базировалась на догматически обоснованном делении на «мирян»

---

¹⁴ Красный Яр: аудиозапись // ААЭ ТГУ, кассета 2.

и «монашествующих». В теоретическом плане перспективы ее изучения связаны с вопросом об эмерджентных качествах социально-символических систем, возникших в неблагоприятных природно-климатических, транспортно удаленных и инвестиционно непривлекательных регионах, их потенциале компенсировать негативное влияние среды созданием формальных и неформальных региональных сетей. В практическом — с определением не только признаков крестьянского коллектива, испытывающего потребность в «своем» ските, но и социокультурные последствия разрушения таежного монастыря для сельской общины.

ИСТОЧНИКИ

- Книга образования переселенческих участков 1885-1912 гг. (1913), Томск.
Памятная книжка Томской губернии на 1908 год (1909), Томск.
Список населенных мест Томского уезда Томской губернии на 1911 г. (1911), Томск.
Список населенных мест Томской губернии за 1899 г. (1899), Томск.
Справочная книга по Томской епархии за 1898–1899 годы (1900), Томск.
Справочная книга по Томской епархии за 1902–1903 годы (1903), Томск.
Справочная книга по Томской епархии за 1909–1910 годы (1911), Томск.
Справочная книга по Томской епархии за 1914 г. (1914), Томск.

ЛИТЕРАТУРА

- Андрющенко, Б. К. / Бузанова, В. А. / Зиновьев, В. П. (1999), *История дорожного дела в Томской области*. Томск.
Белянин, Д. Н. (2014), *Факторы крестьянских переселений в Сибирь во второй половине XIX — начале XX в.*, [в:] Вестник Томского государственного университета, 2014, 378, 100-107.
Бударагин, В.П. (1979), *Новое пополнение Северодвинского собрания Древлехра-нилица*, [в:] Труды отдела древнерусской литературы. Т. 34. Ленинград, 362-364.
Волков, В. Т. (1896), *К вопросу о заселении таежных окраин Томской губернии*, Томск.
Ворошилова, А. С. (2015), *Церковное строительство и крестьянские переселения 1907-1917 гг. (на материалах истории православных приходов таежного Причулымья)*, [в:] Вестник Томского государственного университета. Серия «История», 2015, 4, 65-70.
Вошинин, В. (1912), *На сибирском просторе: Картины переселения*, Санкт-Петербург.
Дутчак, Е. Е. (2007), *Из «Вавилона» в «Беловодье»: адаптационные возможности таежных общин староверов-странников (вторая половина XIX — начало XXI в.)*, Томск.

- Духович, А. (1896), *К вопросу о колонизации тайги. Очерк попыток поселений в южной части Мариинско-чулымской тайги*, Томск.
- Зеньковский, С. А. (2006), *Русское старообрядчество*, Москва.
- Зимин, А. А. (1956), *Сочинения Ивана Пересветова*, Москва – Ленинград.
- Мельникова, Е. (2004), *Эсхатологические ожидания рубежа XIX–XX веков: конца света не будет?* [в:] Антропологический форум, 2004, 1, 250-266.
- Островский, А. Б. (2014), *Беспоповцы Саратовской области: проблема конфессиональной идентичности (по материалам полевого обследования)*, [в:] Старообрядчество: история, культура, современность. Материалы. Т. 2. Москва, 218-229.
- Плющевский-Плющик, Я. С. (1898), *Суждения и толки народа об однодневной переписи 28-го января 1897 г. Материалы для истории первой всеобщей переписи народонаселения*, Санкт-Петербург.
- Покровский, Н. Н. (1973), *Организация учета старообрядцев в Сибири XVIII в.* [в:] Русское население Поморья и Сибири: период феодализма. Москва, 381-406.
- Покровский, Н. Н. (1992), *Скитские биографии*, [в:] Новый мир, 1992, 8, 193-210.
- Пригарин, А.А. (2010), *Русские старообрядцы на Дунае: формирование этноконфессиональной общности в конце XVIII — первой половине XIX вв.* Одесса – Измаил – Москва.
- Ромодановская, Е. К. (2005), *«Святой из гробницы». О некоторых особенностях сибирской и северорусской агиографии*, [в:] Русская агиография: Исследования, публикации, полемика. Санкт-Петербург, 143-159.
- Рындзюнский, П. Г. (1978), *Городское гражданство дореформенной России*, Москва.
- Сванидзе, А. А. (1994), *Средневековый коммунизм: истоки гражданского общества* [в:] Европейский альманах. История. Традиции. Культура. Москва, 89-102.
- Сперанский, М. И. (1954), *Повести и сказания о взятии Царьграда турками (1453) в русской письменности XVI–XVII в.*, [в:] Труды отдела древнерусской литературы. Т. 10. Москва – Ленинград, 136-165.
- Сперанский, М. И. (1956), *Повести и сказания о взятии Царьграда турками (1453) в русской письменности XVI–XVII в.* [в:] Труды отдела древнерусской литературы. Т. 12. Москва – Ленинград, 188-225.
- Стойлов, Э. (1991), *Два самых тайных монастыря* [в:] Красное знамя, 14 декабря, 3-4.
- Тюкавкин, В. Г. (2001), *Великорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа*, Москва.
- Фишман, О. М. (2012), *«Лицом к лицу»: из опыта полевой коммуникации* [в:] О своей земле, своей вере, настоящем и пережитом в России XX–XXI вв. (к изучению биографического и религиозного нарратива). Москва, 15-32.
- Шигапов, С. Р. (2015), *Двойственность религиозного ландшафта Томско-Чулымской тайги (2-ая половина XIX — нач. XX вв.)*, [в:] Региональная идентичность в историческом и культурном пространстве России. VIII Сытинские чтения. Ульяновск, 59-67.
- Шиловский, М. В. (2006), *Аграрная реформа и Сибирь. К 100-летию указа от 9 ноября 1906 г.*, [в:] Гуманитарные науки в Сибири, 2006, 2, 3-6.
- Koselleck, R. (1995), *Vergangene Zukunft: zur Semantik geschichtlicher Zeiten*, Frankfurt am Mein.

ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКУМЕНТЫ

- Карта Томской губернии 1905 г. Электронный документ. URL: <http://4x10.ru/karty-sibiri/tomskaaya-guberniya> [Доступ 18.08.2015].
- Список населенных мест Томского уезда Томской губернии. Электронный документ. URL: <http://pereselenie.gato.tomica.ru>. [Доступ 18.08.2015]
- Юркин, И. Н. Проблемы статистики городского старообрядчества XVIII в.: значение, трудности, возможные пути их преодоления. Электронный документ. URL: <http://www.samstar.ucoz.ru>. [Доступ 18.08.2015].

Peasant Community and Taiga Old Believers' Skit: attraction formula

The paper demonstrates the result of studying the interaction between a Siberian village and an illegal Old Believers' community as a dual structure — a specific social organization, parts of which were divided into functionally sacral and secular spheres and which were comprehended as a symbolic giveaway. In practice, the pro-posed approach allows to reconstruct the ways by means of which Siberian farmers adapted themselves to the term of economical integration at the turn of the 19th-20th centuries, the October Revolution and the Russian Civil War. Conceptually, the authors make an attempt at generalizing the efficiency of the social strategies used by the local peasant community for the adaptation to the macro-social transformations, as well as intended and unintended results of this process. These aspects in the Tomsk region history of 1890-1910s are revealed in materials of official statistics, peasant petitions, Skit Cyrillic manuscripts and field studies of archeographical nature.

Keywords: Siberian village, sacrality and secularity, social strategies of Old Believers communities, history of Tomsk region